

ТЕМА КИТАЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПРИАМУРЬЯ

А.В. Урманов

Полтора столетия назад Амур стал линией весьма протяженного соприкосновения и одновременно разделения двух по-настоящему грандиозных мировых цивилизаций – русской и китайской. Поразительно, что столкновение столь непохожих, столь разнозаряженных миров не привело, как можно было бы предположить, к катастрофическим по своим последствиям катаклизмам и сотрясениям, к глобальным тектоническим разломам.

В ту пору мало кто в полной мере осознавал, что это событие является поистине эпохальным, что в скором и особенно отдаленном будущем оно предопределит направленность и характер многих мировых процессов, станет едва ли не самым важным геополитическим, экономическим, культурным фактором XX, XXI и, очевидно, последующих столетий. Была ли в этом схождении изначально далеко (и топографически, и культурно, и ментально) отстоящих друг от друга цивилизаций историческая предопределенность и неизбежность или же случившееся стало результатом цепи случайностей? Думается, логика исторического развития и Российской империи, вектор пространственного, экономического, военно-стратегического, культурного движения которой в течение нескольких столетий был неудержимо устремлен на Восток, и Китая, нуждавшегося (и внутри- и внешнеполитически) в дружественном и сильном северном соседе, неизбежно запрограммировала встречу двух великих народов, двух мировых культур.

Что касается России, то с этого момента для нее, по сути, начался отсчет новой эры. По глубине, степени и продолжительности воздействия на русскую историю событие это вряд ли намного уступает, скажем, Куликовской битве или даже принятию Русью христианства. Упершись в «великую китайскую стену», стремительная русская птица-тройка замедлила, почти остановила, наконец, свой безумный бег.

Многовековое движение российского государства вовне, вширь стало терять внутреннюю энергию и интеллектуальную подпитку, экстенсивный путь развития перестал быть ведущей национальной идеей. Стремившийся к расширению русский мир, почувствовав, наконец, на Востоке твердые пределы, ощутил, хотя и не сразу, что заполнил органичное для себя, вполне достаточное для широкого национально-го духа географическое пространство. Встреча на Амуре помогла русским ощутить, а позже и понять, что дальнейшее внешнее расширение чревато внутренним ослаблением. Стало очевидно, что идея развития русского государства за счет бесконечного, безостановочного расширения жизненного пространства исчерпала себя. Соприкосновение с Китаем, в конечном итоге, обусловило кардинальный сдвиг вектора исторического движения и самосознания России, актуализировав в русском обществе иную, интенсивную парадигму развития, ускорив внутреннюю кристаллизацию, внутреннее структурирование государства. Иначе говоря, помогло России лучше понять себя, свою собственную первостепенную задачу. Столетием позже А.И. Солженицын назовет эту насущную национальную задачу, игнорирование которой ставит под вопрос само существование русской цивилизации, задачей внутреннего «обустройства России».

Но в конце XIX столетия идею «обустройства» еще нужно было выстрадать, а затем и выразить в слове. В том числе, тем русским людям, кто непосредственно находился на линии соприкосновения с Китаем, то есть на левом берегу Амура.

Как известно, первые литераторы Приамурья – Леонид Волков, Порфирий Масюков, Федор Чудаков, Александр Матюшенский, Сергей Синегуб и другие не были коренными амурцами, в Благовещенск – столицу края, они попали уже в зрелом возрасте, со сложившейся системой взглядов. Сказывалась, не могла не сказаться разница в словной и профессиональной принадлежности, в образовании, в политических взглядах. Вполне естественно, что Китай интересовал их в разной степени и привлекал разными гранями.

Но было у первых амурских писателей и немало общего. Например, бросающееся в глаза отсутствие при обращении к теме Китая

экзальтации, бурного восторга, какой обычно бывает у первооткрывателей экзотического мира. То есть, судя по этому обстоятельству, в конце XIX столетия Китай не воспринимался в образованном русском обществе, в творческой среде как нечто абсолютно неведомое, загадочное, как то, о чем немедленно и во всех подробностях следует рассказывать дрожащему от нетерпения, ждущему сенсаций читателю.

Во-вторых, ни у кого из писателей Приамурья дореволюционного времени тема Китая не стала превалирующей, да даже и просто весомой. Может даже сложиться мнение, что амурских первопоселенцев, в том числе, владеющих пером, жизнь заречных соседей интересовала в самой малой степени. Это, разумеется, не так (хотя нельзя не признать, что художественное постижение собственно российских реалий оставалось для них безусловным приоритетом). Видимо, у русских к тому времени уже сформировались вполне определенные представления об этой восточной стране, ее культуре, обычаях. К тому же соседство с Китаем стало восприниматься как непреложность, как то, что пришло навсегда, что не может быть поставлено под сомнение, следовательно, спешить суетливо познавать друг друга было недостойно: впереди была вечность. Нельзя сбрасывать со счетов и многовековой опыт органичного «переваривания» в общероссийском государственном котле самых разных этносов и культур, которые при этом практически не теряли своей национальной специфики, не утрачивали собственной культурно-религиозной идентичности.

Еще одна важная точка схождения – терпимость к иной культуре, иной системе ценностей, отсутствие намерений силой навязывать свои представления. Почти для всех амурских писателей жители противоположного, правого берега Амура не были людьми второго сорта. По этой причине любые действия местных властей, в которых усматривалось хотя бы в подтексте культурное и интеллектуальное превосходство над китайцами, вызывало в общественном мнении (имеется в виду мнение образованной части общества) безусловное осуждение. В качестве примера можно сослаться на самое раннее из дошедших до нас произведений амурской литературы – хо-

дившее в рукописных списках стихотворение неизвестного автора «1859 год на Амуре», которое представляет собой сатиру на первого военного губернатора Амурской области Николая Васильевича Буссе (1828-1866)¹.

При покровительстве генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского в 1858 г. тридцатилетний Буссе был произведен в генеральское звание и назначен военным губернатором Амурской области. В этой должности он немало сделал для налаживания дружественных отношений с соседями, активизировал прямые дипломатические контакты с китайскими властями. При Буссе, как известно, поощрялась пограничная торговля по Амуру, регулярно устраивались ярмарки в Благовещенске и Айгуне. В том же 1859 г. (то есть за 36 лет до появления первого органа периодической печати в Благовещенске – еженедельной «Амурской газеты») Буссе поддерживал идею издания газеты под названием «Друг маньчжура». С его благословения в Петербурге было заказано типографское оборудование, но, увы, этот издательский проект остался нереализованным – и, судя по всему, не по вине военного губернатора области.

Тем не менее, о «дипломатической» деятельности Буссе и его окружения в стихотворении «1859 год на Амуре» говорится в тоне насмешки и даже откровенной издевки:

Генерал иркутский Буссе,
Губернатор в новом вкусе,
Дуй его горой!
Он большой руки оратор,
Дипломат, администратор,
Он же и герой!
Весь облит мишурным светом,
Он приехал прошлым летом
С молодой женой. <...>

¹ В рукописных списках стихотворение «1859 год на Амуре» распространялось в 1860-е гг., а опубликовано было в журнале «Русский архив» несколькими десятилетиями спустя (1896. Кн. III. № 10. С. 288-289).

Понабрались с ними франты,
Гальтерманы, Гильдебранты;
Тут же и Петров¹.
Поломали стары хаты,
Возвели дворцы-палаты,
Хоть морозь волков!

Обеспечив помещеньем,
Принялись за управленье,
Что всего нужней.
Мы потом займемся краем,
Перво-наперво – Китаем:
Это поважней!

То есть, по мнению неизвестного автора стихотворения, увлечение военного губернатора «дипломатией» отодвинуло на второй план более важные вопросы управления областью, вопросы ее внутреннего «обустройства». Но главный предмет иронии, главная причина авторского саркастического неприятия – якобы высокомерное отношение Буссе и его «штаба» к китайцам:

Ведь китайцы крайне глупы,
Неразвиты, грязны, тупы,
Ну их воспитать!
Они страшные невежи;
Принимать их будем реже,
Чаще к ним писать.

Очевидно, такое мнение у образованной части жителей Благовещенска сложилось из-за амбициозности и тщеславия военного губернатора, из-за его навязчивого желания подражать своему высокому покровителю.

---

¹ Гальтерман, Гильдебрандт, Петров – чиновники особых поручений при Н.В. Буссе.

Теперь о различиях.

По идейной направленности творчества, по общественно-политическим взглядам, в том числе по отношению к Китаю, писателей Приамурья дореволюционного времени условно можно разделить на две основные группы.

Первая – литераторы с рецидивами имперского мышления, державники, патриоты («казенные», «записные», «квасные», как сказали бы отечественные либералы), воспринимавшие освоение Амура, прежде всего, с точки зрения продвижения государственных интересов. Эту группу авторов наиболее ярко представляет Леонид Волков – казачий офицер, получивший известность как «первый амурский поэт»¹. Родился он в Петербурге в семье военного топографа 3 (15) мая 1870 г. Рано потеряв родителей, Леонид учился в Гатчинском Николаевском сиротском институте. В 1888 г. по совету своего дяди и опекуна полковника Г.В. Винникова – бывшего сослуживца отца, в то время командира Амурского казачьего полка – восемнадцатилетний Волков приехал в Благовещенск. Вначале он был зачислен вольноопределяющимся, затем, после окончания Иркутского юнкерского училища (1890-1892) и возвращения в Амурский казачий полк, получил чин подхорунжего, а спустя некоторое время стал сотником.

С 1892 г. Волков регулярно печатался в сибирской и дальневосточной периодике. При жизни поэта в Благовещенске вышли два его сборника стихотворений: «На Амуре» (1895) и «На Дальнем Востоке» (1899). В 1902 г. посмертно изданы «Сочинения Л.П. Волкова», в которую составители включили большую часть творческого наследия трагически погибшего автора.

Тема Китая в поэзии Волкова – одна из сквозных. Во-первых, она затрагивается в пейзажной лирике, которая занимает в его творчестве значительное место. Рисую пейзажные картины Приамурья, поэт весьма часто «вписывает» в них тех, кто живет на противоположном берегу Амура. Таково, например, стихотворение, опубликованное во владивостокской газете «Дальний Восток» 6 июня 1893 г.:

---

¹ Лосев А.В. «Первый амурский поэт»: Очерк жизни и творчества Л.П. Волкова // Амур: Литературно-художественный альманах. № 4. Благовещенск, 2005. С. 31-47.

Зеркальное лоно Амура
Купается в бледной тени...
На том берегу у маньчжура
Вечерние блещут огни...
Звезда за звездой выступает;
Блестящая всходит луна,
И тихо земля засыпает
В объятьях волшебного сна...
Лишь гулом дрожащим смущая
Безмолвие дремлющих вод,
У мола, пары выпуская,
Пришедший шипит пароход.

Необозримые просторы, уходящая в небо бездонная вертикаль, спокойное, почти дремотное течение величественной реки, разлитый вокруг покой, умиротворение, неповторимый в своей первозданной красоте амурский ландшафт, располагающий к созерцательности и философским раздумьям и воспринимающийся гармоничной частью глобального мироздания – таковы общие контуры и атмосфера создаваемой поэтом художественной картины. А в ней, этой картине, законное место занимают обитатели правобережья. Маньчжуры для казачьего офицера, петербуржца по рождению, Волкова – не дикие туземцы, не враги, явные или потенциальные, а мирные труженики, в поте лица добывающие пропитание. Поэт испытывает к ним явную симпатию, воспринимая их органичной частью местного быта и бытия. Такой смысл явственно прочитывается еще в одной пейзажной зарисовке, датированной тем же 1893-м, но напечатанной годом позже (Дальний Восток. 1894. № 26. 6 марта):

Бросает на небо заря позолоту,
И медленно гаснет, темнеет Амур...
Уже отдыхает, закончив работу,
Под кровлею фанзы усталый маньчжур.
Ложится молчанье на лоно природы;

Огни зажигает лазоревый свод,
И будит и гонит шумящие воды
Железною грудью своей пароход...

Кстати, образ парохода, символизирующий, во-первых, связь, соединение двух берегов пограничной реки, во-вторых, военную, техническую, экономическую мощь Российской империи, неотвратимость пришедших вместе с нею на Амур позитивных перемен, социального и технического прогресса, встречается не только в двух процитированных произведениях, но и в ряде других стихов Волкова: «Дедушка Денисов» (1893), «В Хингане» (1895), «Под небом Франции далекой» (1898) и т.д. И это притом, что в реальности пароходов в начале 1890-х годов на Амуре было не так уж и много.

Во второй по значимости части поэтического наследия Л. Волкова, обращенной к теме освоения Приамурья, ощутима линия на романтизацию сильных, волевых, самоотверженных людей. Таковыми, в представлении поэта, были отважные первопроходцы, во главе с Н.Н. Муравьевым присоединившие Амурский край к России.

В стихотворении «Не богат наш край преданьями», напечатанном в газете «Дальний Восток» 23 января 1894 г., поэт описывает «тяжелые лишения», с которыми довелось столкнуться покорителям Амурского края:

Бой вести пришлось с холодом,
С бездорожием тайги.
Неизвестностью и голодом
Замедлялись их шаги.

Автор называет еще одну гипотетическую опасность, которую ощущали первопроходцы: «Шли, тревожась опасеньями, / Что задавит их Китай...» К счастью, опасение это не оправдалось. Главным образом потому, что восточный сосед не ощущал серьезной угрозы для себя от прихода на левый берег Амура русских.

Поэт уверен: героизм, честное исполнение долга, самопожертвование, проявленные участниками первых амурских экспедиций, не должны быть преданы забвению или обесценены. Память о покорителях Амура, по мысли Волкова, хранят не только монументы в их честь, но и «желанный мир», который воцарился на присоединенной к России амурской земле и окрест. Эту тему Волков развивает в стихотворении «В соседстве гольда и маньчжура» (Дальний Восток. 1894. № 74. 3 июля):

И вместо прежнего шаманства,
Раздоров, войн царит окрест
Великий символ христианства
И вестник мира – Божий крест...

Характерно, что в восприятии Волкова главный христианский символ является не знаком покорения «темных», «заблудших» людей и целых народов, не знаком насильственного приобщения к «правильной» вере, не средством принудительной унификации, а знаком мирного покровительства, знаком Божьего благословения – то есть тем, что дарует и гарантирует всем большим и малым народам и каждому человеку в отдельности мирное сосуществование и мирный труд, благоденствие и уверенность в будущем.

Второе произведение, в котором развивается мысль о благотворности мирного соседства России и Китая – стихотворение 1898 г. «Под небом Франции далекой», посвященное памяти легендарного покорителя Амура графа Муравьева. По мысли автора, усилия генерал-губернатора Восточной Сибири и его сподвижников не пропали даром, преобразив прежде дикий край:

...Сбылися смелые мечты:
Амур волнуют пароходы,
Горят над городом кресты.
Везде раскинулись селенья,
Могучей жизнью дышит край,
И смотрит, полный уваженья,
На нас с надеждою Китай.

Это стихотворение было прочитано автором в мае 1898 г. – в день 40-летия заключения Айгунского трактата, в Благовещенске, у монумента, поставленного на месте первой ставки графа Муравьева-Амурского. А вскоре его опубликовала «Амурская газета» (1898. № 21. 24 мая).

Еще одно произведение Волкова затрагивает очень чувствительную на рубеже XIX–XX вв. тему непростых дипломатических и военно-стратегических отношений трех могучих дальневосточных соседей – России, Китая и Японии:

«Страна восходящего солнца»

Калечит прогнивший Китай,

Успех одурманил японца,

Японец хватил через край.

Макаки, в решениях скоры,

С Россией хотят воевать,

И – нас за Уральские горы

Грозятся в Европу прогнать;

Но только не знают бедняги,

Что им в результате войны

Придется китайские флаги

Микадо кроить на штаны.

Конечно, пафосное стихотворение это, созданное Волковым в 1895 г., то есть за девять лет до крайне неудачной для России русско-японской войны, носит, что называется, ура-патриотический, казенно-оптимистический характер. Но при этом в какой-то степени отражает уровень, как говорится, обывательских представлений. Вряд ли оно предназначалось для открытой печати, вряд ли было проходимо для тогдашней цензуры¹. Тем не менее, для нас оно чрезвычайно важно, так как обнажает со всей непосредственностью и прямолинейностью внешнеполитические симпатии и антипатии сотника Волкова и, как можно предположить, взгляды если и не всех, то подавляющего большинства амурских воинов.

¹ Впервые стихотворение «Страна восходящего солнца...» было напечатано лишь после смерти автора в книге: Сочинения Л.П. Волкова. (Посмертное издание). Хабаровск, 1902.

Вторая значительная группа амурских писателей и журналистов – сторонники и члены революционных партий, в основном представленные политическими ссыльными, точнее – ссыльнопоселенцами: Петр Баллод, Лев Дейч, Александр Прибылев, Сергей Синегуб и др. Их отношение к Китаю, как правило, основывалось на свойственном тогдашним революционно-демократическим кругам неприятию «авантюристической», «колонизаторской» политики царского правительства в Маньчжурии. Сочувствие данных авторов было всецело на стороне угнетенной части китайского общества, то есть тех, кого с таким же успехом грабило и эксплуатировало и российское чиновничество.

Самым талантливым представителем этой группы амурских литераторов был Федор Иванович Чудаков (1887-1918) – сатирик, поэт, печатавшийся под псевдонимами *Гусляр*, *Амурец*, *Босяк*, *Язва* и др. Его острые стихотворные фельетоны, в том числе, на темы местной жизни, пользовались огромным успехом у читателей.

Долгое время имя Федора Чудакова было незаслуженно забыто, произведения его в течение почти столетия не переиздавались. Безвозвратно утраченным считался сборник стихотворных фельетонов Чудакова «Шпильки» (1909). После его выхода против автора и издателя возбудили судебное преследование, в результате чего сборник был изъят из обращения и бесследно исчез. И только в 2009 г., спустя век после выхода книги, произошло то, на что мало уже кто надеялся – сборник стихотворных фельетонов Федора Чудакова «Шпильки» найден¹. Книга (единственный на сегодняшний день известный экземпляр) находится в Благовещенске, хранится в одной из частных библиотек.

Несмотря на то, что в 1909 г., в момент выхода «Шпилек», Чудаков только-только начинал ощущать себя амурцем, уже тогда в части своих фельетонов он так или иначе затронул проблемы местной жизни. Неудивительно, что именно они вызвали наибольший резонанс у амурских читателей. К числу таких произведений можно отне-

¹ Об этом: *Урманов А.В.* «Шпильки» нашлись! (Об одной литературной сенсации) // Амур: Литературный альманах БГПУ. № 8. Благовещенск, 2009. С. 59-66.

сти стихотворный фельетон «Закрытие порто-франко». Небольшая справка: порто-франко (итал. *porto franco* – свободный порт) – порт, пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров. Порто-франко не входит в состав таможенной территории государства и создается с целью оживления приграничной торговли, увеличения товарооборота, с целью насыщения внутреннего рынка дешевыми импортными товарами. В Российской империи порто-франко существовал в Одессе, Феодосии, Батуми, Владивостоке и т.д. Право беспошлинной торговли временами распространялось и на Благовещенск. Для Приамурья и в целом Дальнего Востока такой режим международной торговли был особенно важен, так как государство не в состоянии было обеспечить население этих удаленных от центра регионов дешевыми российскими товарами.

Исходным началом в фельетоне, как известно, выступает жизненный факт, от которого отталкивается сатирик. Стихотворение Чудакова «Закрытие порто-франко» – реакция автора на решение правительственной комиссии якобы исключительно ради блага простого народа ликвидировать в Приамурье режим беспошлинной, не облагаемой таможенными сборами торговли. А это, понятно, могло привести только к одному – к существенному удорожанию импортных (китайских) товаров, к обеднению их ассортимента и, следовательно, к снижению, в конечном счете, жизненного уровня местного населения – того самого простого народа, о благе которого якобы неустанно пекутся высокие государственные мужи. Стихотворение представляет собой воображаемый, виртуальный диалог, который ведут, с одной стороны, члены правительственной комиссии, объясняющие смысл своего явно лоббистского и по сути антинародного решения, а с другой, «скептический голос», выражающий авторскую позицию.

Финансовая комиссия:

Фортель мы такой устроим:

Порто-франко призакроем

В приамурской стороне.

Этим цены мы утроим

На изделия извне.
Ведь без пошлин и таможен,
Всем понятно, невозможен
Быт российских мужиков.
К черту импорт безвозмездный,
Иностранцам лишь полезный!
К черту немцев маклаков!
Нас китайцы обижают
И работу отбивают
У российских христиан.
Нашим потом набивают
Азиатский свой карман.
Как подымутся расходы,
Так китайцы – ходу-ходу –
Так и бросятся бежать!¹

Объектом сатирического изображения в этом и ряде других фельетонов Чудакова более позднего времени является такая чрезвычайно активная категория государственных деятелей, правительственных чиновников, думских политиков, которая в корыстных целях лицемерно разыгрывает беспроектную карту «патриотизма».

Казенных псевдо-патриотов, якобы неустанно пекущихся о благе русского народа, якобы защищающих (в пику китайцам) интересы российского государства, а на деле часто решающих свои узкогрупповые и даже коррупционные задачи, Чудаков как человек и как гражданин презирал, а как журналист и писатель высмеивал со всем присущим ему остроумием и язвительностью. Так он поступает и в фельетоне «Закрытие порто-франко», вошедшем в сборник «Шпильки»:

Скептический голос:

Ну, а русскому народу
От чрезмерного расходу
Не придется... подыхать?

¹ Язва. Шпильки: Сборник стихотворений. Благовещенск, 1909. С. 23-24.

Комиссия:

О, не верьте диким слухам,
Будто голоден мужик:
Ведь питаться святым духом
Он давным-давно привык.
Значит, будет все так гладко,
Без войны, без громких слов!

Голос:

Преклоняюсь пред догадкой
Государственных умов!¹

Среди произведений Ф. Чудакова более позднего периода, также имеющих выход на китайскую тематику – стихотворный фельетон «Сотворение Приамурья», опубликованный в газете «Амурское эхо» 13 (26) сентября 1915 г. за подписью *Гусляр*. Произведение построено в форме диалога персонажей индуистской мифологии: Брамы (Брахмы) – верховного божества, творца мира и Сивы (Шивы) – его антагониста. В произведении Чудакова они тоже выведены как антиподы: Брама излучает пафосный, казенный оптимизм, Сива же – воплощение иронии и скепсиса. Благостный и сияющий Брама, сотворив гармоничный по его представлениям мир, в котором есть всё («Экватор и тропики зверем кишат, / В умеренном поясе пушки рычат, / Есть камень для каждой могилки / И край Туруханский для ссылки»), собирается почтить, отдохнуть от великих трудов, но тут появляется скептик Сива и напоминает ему, что творец забыл про Приамурье: «Лежит оно вот уж с какого числа / Пустынно и голо, как череп осла». И Бrame приходится нехотя, наспех устранять собственные недоделки, отпуская Амурскому краю то, что осталось:

Дадим Приамурью мы семь городов
С положенным кворумом стражи.
Там будут обильны различных родов
Растраты, убийства и кражи.

¹ Язва. Шпильки. Указ. изд. С. 24.

Процент преступлений там будет высок,
А около города будет острог,
Чтоб житель без лишней заботы
Шагал в арестантские роты.
Насыплем там золота в русла ключей,
В наносные мели, в овраги, –
Пусть это заставит досужих людей
Просить у правительства драги.
А умные люди построят амбар,
Сберут туда всякий негодный товар,
И будут они, между прочим,
Питаться китайским рабочим.
И будет основой блага везде
Китаец, отверженный парий.
А там и проблема о «желтом труде»
Родится в тиши канцелярий.
И будут китайцев туда не пущать,
Потом разрешать, и опять запрещать,
А приставу будут доходы
И с желтой, и белой породы...

Подведем некоторые итоги.

Немногочисленные художественные произведения первых амурских сочинителей, в которых, так или иначе, затрагивается интересующая нас тема, дают возможность лучше почувствовать живое, непосредственное восприятие русскими на рубеже XIX-XX вв. Китая и китайцев, узнать о чувствах людей, которые жили на Амуре 100-150 лет назад. Конечно, по преимуществу, это было пока еще самое общее – в значительной части поверхностное восприятие, не очень далеко выходящее за пределы сложившихся в тогдашнем русском обществе представлений и мифов. Может даже создаться впечатление о некоторой ограниченности и тенденциозности в постижении амурскими авторами Китая и его жителей – о проецировании внутриросийских представлений и схем на китайскую реальность, что де при-

водило к тому, что китайцы воспринимались чуть ли не как составная часть общероссийского социума. Это не так. Более правдоподобен другой вывод: соприкоснувшись с Китаем, рассматривая его с близкого расстояния, первые писатели Приамурья познавали не только новых соседей, но и, в сравнении с ними, самих себя. Ценность этих произведений состояла и в том, что попытки художественного постижения Китая пробуждали национальное самосознание, способствовали самопознанию. На фоне казавшегося монолитом Китая ярче обнаруживалась чреватая опасностями расколотасть русского общества – сословно-классовая, социально-политическая, мировоззренческая. Соседство с Китаем способствовало осознанию несовершенства русского мироустройства. Контакт с Китаем подтолкнул художественную мысль к осознанию принципиально новых национальных задач – нацеленных на внутреннее обустройство России.